

УДК 72.01

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ АНСАМБЛЯ УЛ. ДАРВИНА В ХАРЬКОВЕ**Шубович С. А.**, профессор, д-р архит.**Сысоева В. В.**, студентка, слушатель магистратуры.*Харьковская национальная академия городского хозяйства.*

Тел. (075) 707-32-52

Аннотация. В работе поднимаются вопросы интерпретации в архитектуре. На примере архитектурного ландшафта улицы Дарвина в Харькове исследуется возможность смысловой интерпретации архитектуры городской среды как переход от морфологической логики к феноменологической алогичности.

Ключевые слова: стилистика, ритм, структура, восприятие, пространство, загадка, интерпретация, ландшафт, рельеф.

Проблема исследования. Актуализация смысловых характеристик архитектурных явлений, данных в теории архитектуры как морфологические структуры.

Цель работы. На примере улицы Дарвина в Харькове исследовать проблему перехода от морфологических к смысловым структурам в архитектуре.

Задачи работы. Раскрыть понятие архитектурного ландшафта относительно фрагмента городской среды Харькова; проанализировать композицию улицы с точки зрения ее морфологии; раскрыть феноменологический смысл композиции архитектурного ландшафта улицы через интерпретацию ее композиционно-пространственных характеристик.

В XXI в. возрастает интерес к пространственно-смысловому аспекту архитектурной среды, что объясняется существенным преобразованием научной и художественной картины мира и связанным с этим появлением новых культурных концепций. На уровне осмысления «объект» уступает место «событию» как переживаемому феномену.

Современные теоретики отмечают, что «главные проблемы архитектуры сегодня касаются именно смысла человеческого существования, ибо любая интерпретация архитектурных форм есть в конечном счете их перевод на язык экзистенции, в противном случае занятие архитектурой становится культурно и человечески бессмысленным и может быть спокойно обеспечено автоматами» [1, с. 4]. Проблемы смыслообразования так или иначе освещаются многими теоретиками архитектуры. Это – А. В. Иконников, Л. И. Кириллова, А. А. Пучков, Г. И. Ревзин, А. Г. Раппапорт, Г. Ю. Сомов, М. В. Степанов, Б. С. Черкес и др. При этом если в более ранних работах смысл включается в рамки морфологического рассуждения, то для XXI в. характерно применение образно-ассоциативных методов и рассмотрение архитектурного ансамбля как феноменальной композиционной системы (Л. В. Никольская, В. И. Павличенко, Г. Л. Коптева и др.). Архитектура, включенная в культурно-смысловую среду, сформировала систему понятий, среди которых следует выделить понятие архитектурного ландшафта, о котором очень тонко рассуждает Д. С. Лихачев [2] и очень мало говорит теория архитектуры.

Ландшафт изначально понимался эстетически – как вид местности или пейзаж. Под понятием «ландшафт» понимали территорию, которую можно осмотреть единым взглядом (видимая поверхность). Сейчас доминирует географическое понятие ландшафта, обозна-

чающее относительно однородный участок или комплекс участков географической оболочки Земли, ограниченный естественными границами, в пределах которого природные и искусственные компоненты образуют взаимообусловленное единство. Географ А. П. Ковалев, возвращая понятие к его исходному значению, дает понимание ландшафта «как вида местности, как организации рисунка ее поверхности...» [3, с. 13]. Кроме географических, различают антропогенные, природные, культурные и другие ландшафты. Культурный ландшафт в документах ЮНЕСКО понимается как результат совместного творчества человека и природы. В архитектурной теории иногда выделяют понятие архитектурного ландшафта, трактуя его двояко. С одной стороны, его понимают как продукт ландшафтного дизайна, с другой – как вид, изображающий архитектуру. Представляется, что второе определение, ориентирующее на процесс восприятия архитектуры через восприятие архитектурных картин (видов), наиболее близко эстетической сути архитектуры. При этом становится важной образно-ассоциативная оценка архитектурного вида как феноменальной системы и как составной части пространственно-временных структур.

Порталы домов по ул. Дарвина

Архитектурный ландшафт как организация рисунка некой поверхности – важный элемент градостроительной эстетики. Достаточно большие пространства городских структур охватываются взглядом, формируя картины, наполненные эмоциональным содержанием. В этом плане интересна ул. Дарвина в Харькове, сформировавшая уникальный архитектурный топос, который даже в условиях огромного мегаполиса остается личностно акцентированным, узнаваемым, «своим».

Бывшая Садово-Куликовская улица образовалась в середине XIX в. Она имела Г-образную конфигурацию, отражающую рельефные особенности места, и направлялась от центральной ул. Пушкинской в сторону ул. Белгородской. В связи со строительством поблизости Технологического института застройка улицы и всего прилегающего района активизировалась. Вдоль улицы был построен ряд особняков, владельцы которых сдавали часть помещений внаем, были возведены дома губернатора и его канцелярии. В связи с этим изогнутый отрезок Садово-Куликовской улицы был переименован в улицу Губернаторскую (сейчас ул. Революции), а основная ось улицы продлена на восток и постепенно (1900–1913 гг.) застроена особняками. Эта новая часть стала уникальным архитектурным фрагментом Харькова.

Архитектурное многостилье улицы, объединенное талантом зодчих в целое, не оставляет никого равнодушным. Эта улица обычно описывается как созвездие произведений выдающихся харьковских архитекторов: В. В. Величко, А. И. Ржепишевского, М. И. Дашкевича, А. Н. Бекетова, И. И. Тенне и др. Реже характеризуется композиция улицы и, в част-

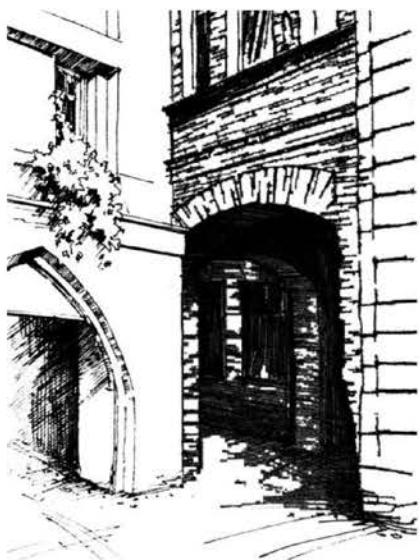
ности, ее сложная ритмическая организация. В ритмической структуре улицы первый слой акцентов составляют несколько особняков с особо яркой пластикой (№№ 9, 11, 21, 29, 35–37), которые контрастируют с более нейтральными, «фоновыми» фасадами зданий. В этом плане характерными является группа особняков № 9, 11, 13, как бы выхваченная своей разнонаправленной историко-этнической ориентацией из общего фона и соединение домов № 35 и 37, пластический и цветовой контраст которых создает специфический образ. Структуру ритма улицы составляют ее четко читаемые фрагменты, которые отличаются своей образностью. В последовательности пластики домов можно выделить ритм классических фасадов, ритм фасадов в модерне, конструктивизме. Наслоение этих ритмов создает дополнительное усложнение образа улицы, усиливает ее эстетическое воздействие, стимулирует загадку. Следующий слой ритмических акцентов создают крупные детали зданий – порталы, эркеры, щипцы, башенки и др. В пространственную структуру вписываются и разрывы между зданиями, в которые первоначально просматривалась зелень садов. Система акцентов усложняется специфическими вставками – гладкими торцами верхних частей особняков, которые хорошо читаются в перспективе улицы и служат контрастными оппозициями раскрепованным пластичным фасадам. Важным фактором композиции является и цветовая гамма улицы, совмещающая красный цвет открытой кирпичной кладки, серый цвет конструктивизма, желтый цвет штукатурки «исторических» фасадов.

Для восприятия архитектуры улицы имеет значение ширина ее пространства, соотносимая с высотой застройки. Улица Дарвина в своей второй части (после ул. Революции) значительно расширяется, противопоставляя правую (южную) и левую (северную) стороны. Левая – историческая часть улицы, на которой сосредоточены особняки, традиционна для жилой улицы нач. XX в. с полосой тротуара между домом и проезжей частью. Зелень садов при особняках компенсировала отсутствие ее на улице. Правая сторона улицы, застроенная в 30–40-е гг. XX в., наоборот, имеет широкий газон с деревьями. Дома ушли вглубь от красной линии, расширив уличное пространство. Новая ширина улицы стала отвечать новой высоте застройки. Крупные конструктивистские здания, построенные вдоль улицы, при таком расположении не мешают историзму левой стороны. Их крупные массы служат нейтральным фоном для цветистой стилистики противоположной стороны, а введение кирпичной кладки в архитектуру новых зданий вносит живую теплоту в строгость конструктивизма. При этом интересно, что конструктивистские вставки есть и на левой стороне улицы. В пестрой стилистике улицы (от ренессанса до модерна) конструктивистские особняки стоят в общем смысловом ряду и не выглядят чем-то чуждым. В то же время они служат средством объединения обеих сторон улицы как градостроительного целого. Следует отметить и тот факт, что тротуар правой стороны улицы – место движения пешеходов и, соответственно, место характерных точек зрения – не изменил своего расположения. Следовательно, зритель, наблюдающий левую сторону улицы, двигаясь по правому тротуару, находится на дистанции, сформированной исторической застройкой и исторической (бывшей) шириной улицы.

В анализах архитектурной среды ул. Дарвина практически отсутствует анализ ее ландшафтных качеств. Вместе с тем характер рельефа хорошо читается при движении по улице и отражается на восприятии ее фрагментов. Улица расположена на центральном Нагорном плато. Она проложена в направлении от водораздела плато в сторону его восточных (Журавлевских) склонов, спускающихся в долину реки Харьков. Понижение рельефа в сторону бровки плато проходит в виде последовательных переломов поверхности земли. Эти переломы усиливаются при приближении к бровке, что хорошо видно в перспективе улицы. Кроме того, улица в ее средней части имеет легкий поворот. Этот поворот, незначительный на плане, хорошо заметен при движении по улице. Он позволяет вдруг увидеть застройку левой стороны улицы развернутой более обычного. Это происходит на коротком участке и эмоционально фиксируется как специфический пространственный акцент. Такими же сдвигами, но направленными по вертикали, служат перепады уровней рельефа. Они также фик-

сируются зрителем как эмоционально окрашенные спуском вниз пространственные акценты. Паузы между этими тремя акцентами укорачиваются по направлению к бровке. В том же темпе становятся все ярче архитектурные образы зданий. Их стилистика освобождается от официальной импозантности центра и переходит в свободу и бесконтрольность периферии. Исключением из этого принципа служит лишь собственный дом архитектора А. Н. Бекетова (№ 37), решенный в крупных классических формах. Своим масштабом он служит связующей инстанцией между периферийным концом улицы и ее близким к центру началом.

Замыкает улицу двухэтажный дом в модерне, стоящий поперек основного направления. Он архитектурно уступает своим ярким соседям. В нач. XX в. улица здесь заканчивалась тупиком. В соответствии с ролью глубинного замыкания перспективы ул. Дарвина дом имеет крупный доминирующий элемент фасада – вертикаль остекленного объема лестничной клетки. Крупный масштаб лестничного витража, видимый на фоне краснокирпичных стен, логически замыкает перспективу улицы, останавливая движение. Как правило, остановка предполагает нечто новое. И именно здесь, в тупике, у неказистого дома зрителя ждет неожиданность, вызывающая эмоциональный всплеск. Здесь заканчивается композиционно-морфологическая логика улицы Дарвина. Мы попадаем в мир загадки «странных» пространств [4], мир экзистенций – локалитетов [1].

Ассоциативные структуры сознания пробуждают древние образы прохождения через нечто темное и узкое (напр. прохождение сказочного героя через ухо коня). Миф трактует такие образы как путь к перерождению, повышению статуса через преодоление тьмы, развоплощение и т. д. [5]. Здесь проявляется архетипическая схема преодоления тьмы-узости как Хаоса. Второй частью этой схемы является выход в ширь-свет. При этом путь, как правило, затруднен загадочной сложностью, не дающей прямого ответа. Т. е. мы имеем дело не с прямым туннелем, в конце которого блестит свет, а с лабиринтом, путаница пути в котором не дает увидеть светлый конец.

Арочный фокус, завершающий улицу Дарвина, лабиринтообразен. Конечно, пространство за аркой не столь сложно, как классический лабиринт. Здесь мы имеем дело лишь с одним коротким изгибом. Но этого изгиба вполне достаточно, чтобы вызвать у зрителя скачок чувств, провоцирующих рождение метафор. Само по себе метафорично удвоение проема. Оно в какой-то мере напоминает сдвоенные порталы, виденные ранее в архитектуре улицы. Две арки-прохода создают пространственный эффект, привлекающий внимание. Причем расположенная слева стрельчатая арка, продолжая тему исторической стилистики улицы, более располагает к себе. Однако с близкого расстояния она становится неинтересной. Ее глубинная дистанция коротка, и внешний свет противоположной стороны оказывается почти рядом, загадка пропадает. Пространственный рисунок правой арки иной. Путь через мрачную полость арки, продолжая динамику улицы, сначала упирается в затененную стену, и лишь затем поворачивает к свету. Темный, сжатый кирпичными стенами изогнутый путь, пусть и очень короткий, остается в памяти. Эмоций добавляет и колорит. Кирпичная стена в тени имеет темно-красный цвет. Красная полость, поглотившая путника, сродни багровой тьме Низа мира, описанной в мифах Греции. Из Одиссеи известна красная ткань, выброшенная на ткацкие станки в пещере нимф на Итаке, прокомментированная Ферекидом как плоть, в которую облакаются души, проходя через пещеру из Космоса в земное бытие. Эту плоть они оставляют, уходя в Космос. Через такую же «пещеру» может пройти современный человек, совершая путешествие по улице Дарвина. И, что интересно, проход через современ-

ную «пещеру» также ведет в нечто иное. Это иное, конечно, не греческий Космос. Но то, что открывается зрителю, преодолевшему темную полость дома (по сути, обыденный проход на задний двор), достойно разговора о Космосе. После тьмы прохода-лабиринта зритель вдруг видит огромный мир: огромное небо и город, лежащий далеко внизу. Камерная узость и интерьерная закрытость городской улицы сталкивается здесь с открытостью естественного ландшафта – высоко поднятой над долиной реки рельефной бровкой Журавлевских склонов, дикой травой и деревьями. Земля перестает быть по-городскому ровной. Интерьер города распаивается вовне. Это пограничный мир между культурой города и природой внешнего мира. Вверху – небо с облаками, внизу – река в плотной городской застройке, а далеко на горизонте, в мареве, пологие салтовские холмы. Где-то внизу между рекой и склонами плато скрыт родник – старинная Белгородская криница, связанная с историей Харькова, уходящей в историю Дикого поля.

Вдоль подножия Журавлевских склонов проходит улица Шевченко – сейчас транспортная магистраль городского значения, а когда-то – внешняя дорога на Белгород. Вдоль нее склоны Нагорного плато круто поднимаются мощной пластичной массой земли. Хтонические образы «Низа» явно просвечивают в их складках, такие странные в центре мегаполиса. Но вдаль, в перспективе улицы встает высокая светлая доминанта – 80-ти метровая колокольня Успенского собора, с XVIII в. – центрального собора города. На ее силуэт ориентирована старая дорога, ставшая городской коммуникацией. Светлая вертикаль городской доминанты служит космическим символом. Ее архетипическая модель – Мировая ось, связывающая Низ и Верх Мира в целом.

Снизу, в резком ракурсе, за бровкой плато невысокая историческая застройка улицы Дарвина не видна. Силуэт формируют многоэтажные дома, построенные в 30–50-х гг. XX в. Среди них и дома правой стороны ул. Дарвина. В довольно серой панораме неожиданным

акцентом появляется классический бельведер, венчающий один из домов. Его форма ротонды тоже несет мифопоэтическую символику. Ротонда, круг – это образ неба и небесной упорядоченности. Это и указатель на вертикаль Мировой оси – как бы Оси «местного значения». Бельведер – это, пожалуй, последняя загадка улицы Дарвина. Ведь эта, отсылающая к классическим формам, ротонда на крыше здания НИИ металлов наиболее эффектно открывается взгляду от той самой темной арки. Символические оппозиции «Низ-Верх» и «тьма-свет» здесь реализованы наглядно, как экзистенциальные структуры архитектурного ландшафта.

Таким образом, улица Дарвина, помимо живописной застройки, получила эффектное завершение, которое связало ее камерную среду с внешней средой города и его наиболее эффектными формами естественного ландшафта – рекой и кручами Журавлевских склонов. Улица являет собой яркий пример архитектурного ландшафта, который предстает зрителю путем покадровой развертки в пространстве и времени. Своеобразная кинолента улицы развивается согласно сюжету, в котором каждый фрагмент вызывает эмоционально-эстетическое удовольствие от созерцания и интерпретации. Каждый новый кадр как бы загадывает загадку искушенному в архитектурной стилистике зрителю, заставляя упражняться в решении стилистического кроссворда. Эмоциональность нарастает к финалу, где последний кадр с аркой переводит закончившийся сюжет в новый. Здесь рождаются наиболее яркие метафоры и загадывается наиболее сложная загадка. Цена разгадки в ней, согласно мифоритуальной традиции, – жизнь как выход из лабиринта. Возможности интерпретации здесь особенно велики, поскольку в процесс интенсивно включается архетипическая составляющая. Поглощение и рождение, Хаос и Космос,

АСПЕКТЫ АРХИТЕКТУРЫ

свет и тьма – эти архетипические модели заставляют оставить логику игры в стили и окунуться в природу алогичного. Архитектурный ландшафт улицы достигает кульминации, связывая вид (картину) с его эмоционально-художественным смыслом. Интерпретация здесь выступает путем от морфологии вида к смыслу – эмоции.

Ул. Дарвина. Застройка

ВЕДУЩАЯ ОППОЗИЦИЯ:
Арки - проезды
Журавлевские склоны

Пространственные оппозиции и характер застройки ул. Дарвина

ЛИТЕРАТУРА

1. Раппапорт А. Г. Пять проблем теории архитектуры XXI века. www.artpages.org.ua.
2. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей/ Д. С. Лихачев. – М.: Наука, 1982. – 344 с.
3. Ковалев А. П. Ландшафт сам по себе и для человека/ А. П. Ковалев. – Х.: Бурун-Книга, 2009. – 928 с.
4. Шубович С. А. «Странные» пространства в структуре города. К семиотике городской структуры / С. А. Шубович. – Одеса: «Optimum», 2010. – С. 97–109 // Реставрація, реконструкція, урбоекотелогія. Щорічник південноукраїнського відділення національного комітету ICOMOS
5. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического/ В. Н. Топоров. – М.: Прогресс - Культура, 1995. – 624 с.